

Руки женщин моей семьи
были не для письма

Егана Джаббарова

No Kidding Press

Серия Оксаны Васякиной

Егана Джаббарова

**Руки женщин моей семьи
были не для письма**

«ВЕБКНИГА»

2023

Джаббарова Е.

Руки женщин моей семьи были не для письма / Е. Джаббарова — «ВЕБКНИГА», 2023 — (Серия Оксаны Васякиной)

ISBN 978-5-6048611-8-9

В центре книги Еганы Джаббаровой – тело молодой женщины, существование которого, с одной стороны, регулируется строгими правилами патриархальной азербайджанской семьи и общины, а с другой – подчинено неврологической болезни, вызывающей сильные боли и отнимающей речь. Обращаясь с методичностью исследователя к каждой из частей тела, писательница поднимает пласты воспоминаний, традиций и практик, запретов и предписаний, связывая их с самым личным, фундаментальным и неизбежным, что есть у человека, – физической оболочкой. Может быть, болезнь в конечном счете не только ограничивает и лишает, но и дает ключ к освобождению? Истории нескольких поколений женщин, принадлежность и чужеродность, неподчинение и выживание, наследие, которое не выбираешь, и как с ним быть – в таких координатах живет дебютная прозаическая книга Еганы Джаббаровой.

ISBN 978-5-6048611-8-9

© Джаббарова Е., 2023
© ВЕБКНИГА, 2023

Содержание

I. Брови	6
II. Глаза	10
III. Волосы	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Егана Джаббарова

Руки женщин моей семьи были не для письма

© Егана Джаббарова, текст, 2023

© Мадина Глостанова, послесловие, 2023

© No Kidding Press, издание на русском языке, оформление. 2023

* * *

Дедушке и биби

Не в мантию – в саван отцом облачен!

Кого же я ныне в объятья приму.

Хаким Фирдоуси

Ни одна жизнь не достойна того, чтобы стать основой для романа.

Орхан Памук

Моя мать сказала: Тьма моего чрева – это всё чем ты владеешь.

Афина Фаррукзад

Прошлое не бывает мертво.

Уильям Фолкнер

І. Брови

В овальном зеркале отражались большие густые черные брови, которые, по строгому наказу матери, нельзя было выщипывать. Дело было не только в том, что Аллах запретил своим созданиям менять что-либо в теле, но еще и в том, что я была не замужем. Ведь главным событием в жизни любой азербайджанской девочки непременно является свадьба, и только она дарует право на перемены, даже если они не одобряются Аллахом. В маленьких горных поселениях можно было легко отличить незамужнюю и невинную девочку от уже замужней женщины: первым и главным, что их отличало, были брови.

Тонкие, словно нарисованные тушью, ровные и почти искусственные, они говорили окружающим, что теперь девочка навечно стала женщиной, а значит, ее густые брови, похожие на райские кустарники, остались в прошлом. Правда, в обычной русской школе большинство девочек, любясь на себя в маленькое круглое зеркальце из распечати, совершенно спокойно выдирали непослушные жесткие волоски бездушными металлическими щипчиками. Я долго раздумывала, в чем же вред выщипывания бровей, если на следующий день одноклассницы были всё такими же, и даже немного счастливее. Каждый день мои брови будто бы разрастались в пространстве над веками, оккупируя всё больше и больше кожи, но если у подруг это были светлые лианы, то у меня – темные и огромные крылья горной птицы. Вопрос, как поступать с бровями, был всё таким же острым, когда мы поехали к родственникам отца в Баку. Там в маленькой комнате на кровати лениво лежали друг на друге плотные матрасы, разноцветные одеяла с множеством орнаментов. Большую часть матрасов тети и бабушки набивали собственноручно: сначала баранью шерсть долго промывали, затем заботливо раскладывали под ослепительное бакинское солнце прямо во дворе, пока не наступал самый долгий и мучительный процесс их сборки. Чистые наволочки, украшенные розами, быстро наполнялись содержимым, мама и биби¹ плотно утрамбовывали шерсть, словно вспоротое брюхо индейки начинкой, а затем вручную сшивали края. Тело матраса также оказывалось пронизано большими стежками посередине, для этого брали самую крупную и толстую иглу, шить которой было тяжело и опасно: руки то и дело оказывались в кровавых созвездиях. Именно на этих любовно сшитых и разложенных друг на друге матрасах мы сидели с двоюродными сестрами и молчаливо наблюдали, как взрослые женщины с блестящими кольцами на пальцах выщипывали друг другу брови с помощью шелковой нити. Помню, как думала, откуда их руки узнали все эти тайные движения, как научились так стремительно и быстро управлять нитью, чтобы она безошибочно убирала лишнее и оставляла нужное. Кожа, узнав горечь утраты, быстро краснела, словно оплакивала каждую волосинку. Спустя двадцать минут вместо прежних бровей появлялись новые: выгравированные на коже, как орнамент на вазе. Холодные, спокойные, не знающие своего прошлого, они придавали лицу обладательницы новое выражение, известное только тем, кто познал силу собственной воли и возможность менять собственное тело. Такое выражение лица было и у подруги детства, когда мы встретились после ее свадьбы в жаркий бакинский день: облегчение, ведь больше не требовалось нести тяжкую ношу невинности и вместо запретительных «нельзя» появилось множество «наконец можно».

С одной стороны, мне нравилось общаться с многочисленными двоюродными сестрами, тетями и родственницами: ведь они выросли и жили в мире знакомых мне правил, все понимали то, что было невозможно объяснить одноклассницам. С другой – они сами стали самыми строгими хранительницами правил, когда-то придуманных для них: если кто-то делал нечто постыдное или отличное от традиционного, можно было не сомневаться, что благодаря длинным языкам представительниц диаспоры об этом узнают все. А потому признаться сестрам

---

¹ Биби – тетья, сестра отца. – *Здесь и далее приводятся примечания Еганы Джаббаровой.*

в своем сладковатом и запретном желании выщипать брови я не могла и тайком завидовала одноклассницам, не отягощенным бесконечным сводом запретов и способным самим распоряжаться своими телами.

После долгих раздумий я решилась: в один из выходных дней я стащила материнские щипчики и незаметно выщипала парочку самых неприятных и заметных волосков между бровями. В итоге дело было сделано: щипчики вернулись на исходное место, а отпавшие, как осенние листья, волосинки смыты с тела белой скользкой раковины. Хотя я и испытала небольшую радость: теперь мне было спокойнее в окружении одноклассниц и подруг, вырванные волоски ничего не изменили – мир не рухнул, а мое тело не обесценилось. Какими были брови женщин, окружавших меня, почему они были такими?

Еще с детства я точно знала, что похожа на маму, об этом свидетельствовали не только фотографии в семейных альбомах, но и слова абсолютно всех людей, входящих в дом. Всматриваясь пару минут сначала в мое детское лицо, а затем в материнское, они радостно заключали: «Вся в маму». Помню, что меня всегда это изумляло, почему все так настойчиво ищут сходство? Будто оно не заложено самим фактом сотворения и рождения. Может быть, в этом желании найти сходство прятался вопрос, будут ли наши с мамой судьбы схожими, как лица? Означает ли сходство лиц сходство судеб? Были ли схожими судьбы героинь в поэмах Низами?

Только вот единственное, что было у меня от отца, – мои брови. Мужские брови на женском лице: ярко очерченные черные дуги, под каждой бровью, словно рассыпанные чайинки, виднелись волоски. Почему у всякой женщины из «восточной» литературы всегда были одни и те же брови, похожие на полумесяцы и черные, как ночь? Почему только бровям полагалось быть черными? Какими были брови Шахерезады? Наверняка черными.

Брови моей матери тоже черные. Они всегда словно немного вопрошают; каждый раз, когда она смотрит на меня, в бровях читается вопрос: была ли ты сегодня достойной дочерью или нет? Лишь изредка ее брови приподнимаются от радости: обычно это происходит на свадьбах. Свадьбы всегда были ее любимыми событиями. Не только потому, что это до сих пор главный способ социализации внутри диаспоры, особенно за пределами родины, но и потому, что свадьба – это долгожданная возможность выйти из дома, красиво одеться, купить себе новое платье, накраситься, нацепить любимые и неизменные кольца и серьги, посплетничать с подружками и официально, не испытывая стыда, выпить бокал вина. Она любит свадьбы, потому что на них не надо готовить, можно забыть о своей обычной тяжелой жизни, об уборке и просто стать частью общества. Именно на свадьбе она и познакомилась с отцом тридцать лет назад, точнее это он с ней познакомился, точнее – выбрал ее среди прочих. И одной из причин, почему он выбрал ее, были, конечно, ее густые нетронутые брови, из-под которых она изредка посматривала на танец невесты и жениха. Могла ли она знать, что потупленный скромный взгляд станет причиной его влюбленности?

Такими же были и брови бабушки по материнской линии, со временем она совсем перестала их выщипывать, и они стали похожими на запущенный сад, который она любила больше, чем людей. Только в сад и на швейную машинку она смотрела с теплом и нежностью, будто гладила их; предметы, как и растения, никогда ее не разочаровывали, в отличие от людей. Люди, напротив, получали от нее взгляд сухой и жесткий, как черствый хлеб. Тебе следовало доказать собственную пользу, чтобы взгляд этот стал мягче, а потому каждое лето все, кто оказывался в ее грузинском доме, были обязаны отработать свое пребывание: собирать белую и красную черешню, собирать и очищать фундук, собирать фасоль в большие грубые мешки для продажи, срывать кинзу и укроп в огороде, правда, чтобы ты ни делал – ее взгляд из-под хмурых седых бровей оставался прежним, спокойным и отсутствующим, как прочный лед.

Такой же будто бы вечно злой и серьезный взгляд был у родной сестры; она, по уверениям окружающих, вся была в отца, за исключением кустистых бровей, которые достались ей от матери. Она унаследовала тяжелый взгляд бабушки: ее нахмуренные брови и холодный взгляд. Даже на милой фотографии, где ей год, из-под крепких плотных черных кудряшек блестят два злых карих глаза. Моим бровям она завидовала больше всего и часто сокрушалась: почему ей достались пышные брови матери, срастающиеся в пространстве между бровей, или, как его красиво называют латинским словом, глабелле? Именно ей пришлось больше всего страдать от нападков одноклассниц и одноклассников, из-за чего она не колебалась ни на секунду и купила собственные металлические щипчики: больше никто и никогда не посмеет над ней насмехаться.

Со временем я забыла о существовании своих бровей, меня перестала беспокоить их ширина и густота, я поняла, что брови, подобно жизненному опыту, не могут быть одинаковыми. В них всегда есть что-то от их обладательницы. Они начали волновать меня только спустя пару лет в холодном сером коридоре больницы. Я сидела в огромной очереди из людей, чьи тела и лица были изуродованы, ассиметричны, искажены, в их лицах было что-то нечеловеческое: что-то большее, чем жизнь. В них было так много страдания, что периодически приходилось выползать на воздух, чтобы стереть их лица белизной спокойного зимнего неба.

Мы сидели так уже два часа: казалось, что невролог замуровался в своем кабинете или умер в нем. Наконец, дверь открылась и понемногу людей стали запускать. Там, за желанной дверью, сидел единственный на всю область невролог, делающий инъекции ботулотоксина² в мышцы. Люди выходили из кабинета совсем изменившиеся: женщина с кривошеей с облегчением и гордо, подобно знамени, несла свою длинную красивую ровную шею; юный парень улыбался, демонстрируя новообетенную симметрию лицевых мышц.

Когда, наконец, очередь дошла до меня, я радостно бросилась к двери, я представляла, как мое искаженное лицо вернут к его первоначальному виду. Как исчезнут уродливые два осколка бровей с неровными краями, как у разбитой пиалы, вызванные спазмами лицевых мышц, и вернуться брови, подобные стрелам лука или полумесяцу в ночном небе, как гордо я понесу свое вернувшееся лицо по морозной улице.

В кабинете было душно. Всё было, как это обычно бывает в медицинских кабинетах, холодновато-голубым и безучастно белым, врач приспустил очки, молчаливо полистал медицинское заключение, потрогал мои плечи-лицо-руки и спокойно отрезал: вам не поможет ботокс, слишком много задето. Я продолжила сидеть, не способная встать и уйти без обещанного мне чуда, тогда он ненавязчиво открыл дверь и мягко кивнул.

Полгода назад именно мои брови позволили другому неврологу поставить диагноз. Это был очередной поход к врачу, от которого я ничего не ждала. Ни один врач не мог ответить на вопрос, что происходит с моим телом, почему я не могу контролировать мышцы рук и ног, большинство лениво заключали: «стресс» или «психосоматика», и, не успев закрыть рот от зевка, выталкивали меня за дверь. В тот день я твердо решила, что, если и этот врач скажет, что это «психосоматика», поеду в психиатрическое отделение.

Врач был молодой, ему, кажется, не было и сорока, его большое тело и густая борода сразу успокоили меня. Я знала, что он не ошибется. Заполнив бумаги, он начал осматривать меня, в какой-то момент он сел ровно напротив и попросил поднять брови, затем опустить, улыб-

---

² Ботулотоксин – нейротоксин, блокирующий передачу импульса с нерва на мышцу. В неврологии используется для лечения заболеваний, проявляющихся мышечными спазмами, болью, вегетативной дисфункцией.

нуться, вдруг его теплая и ровная улыбка сменилась тревогой, он быстро схватил мою карточку и куда-то вышел. Когда он вернулся, то сказал, что мне надо приехать завтра в восемь утра, мы пойдем к заведующему. Так мои черные брови ответили на мой же вопрос, они больше не были обрамлением лица или его украшением, больше не символизировали чистоту и невинность, перестали быть генетической случайностью: они стали предвестниками большой беды, красным сигнальным выстрелом посреди океана, и наконец появился тот, кто смог его распознать.

II. Глаза

В школе у всех популярных одноклассниц были голубые или зеленые глаза, поэтому я быстро поняла, что мне не повезло, ведь мои глаза были карими. В них не было ничего интересного, они были обычными, такими же, как кора дерева, поверхность крепкого стола, половая тряпка уборщицы – слишком много некрасивого и привычного было карим. Глаза всех моих двоюродных сестер и других родственников были карими. Это тебе не спокойное голубое небо, или шумный голубой океан, или прекрасные зеленые листья, или волнующаяся зеленая трава, или замечательные голубые реки: почему всё красивое было голубым и зеленым? Почему так мало красивого было карим?

Земля оказалась отравлена до самого сердца: разлагающиеся тела бывших колонизаторов успели передать миру свою норму, где голубое всегда было красивым, а коричневое уродливым. И даже маленькая девочка из мира, где у всех были карие глаза, хотела голубые. Голубые, как у некоторых жен султана или турецких актрис, они наверняка получили голубизну своих глаз от матерей, бабушек и прабабушек, которые были в гаремах султанов или оказались трофеем победившей Османской империи. В душных бакинских квартирах двоюродных сестер мы замороженно смотрели турецкие клипы, на голубые глаза турецких актрис или поп-исполнительниц, с грустью отмечая, что в нашем роду не было таких глаз. У нас не было общих тем для разговора: мы с сестрой плохо говорили по-азербайджански, а двоюродные не говорили по-русски, поэтому единственное, что мы могли делать вместе, – это смотреть. Смотреть на вещи, комнаты, книги и экран телевизора. По сути, мы хотели переписать историю рода так, чтобы в ней оказались далекие голубоглазые красавицы, поработанные преимущественно из-за своей красоты и нетипичной внешности. Чтобы когда-то пережитое насилие сделало нас необычными, выделило из толпы себе подобных и включило в сообщество других красивых девочек. Но почему красота оказалась неотделима от насилия и почему одна женщина должна была поработать другую, чтобы стать «нормативной»?

В какой-то момент идея сделать глаза не карими поглотила меня полностью: я с грустью перелистывала фотографии журналов, где у актрис и моделей были, конечно, голубые глаза; с грустью наблюдала за одноклассницами, у которых были голубые глаза. Я решила, что обязательно должна переделать свои глаза, вырасти и купить самые голубые линзы из всех возможных, чтобы мои глаза наконец перестали быть карими. Мне хотелось, чтобы они, если бы и не стали голубыми, то хотя бы были похожи на отцовские: у отца глаза медово-карие с зеленоватым оттенком. Как я ни пыталась внушить себе, что цвет моих глаз не карий, или накраситься, подобрав нужный цвет теней, глаза оставались карими. Но однажды я случайно разревелась, сидя напротив зеркала, и, когда глянула на свое отражение, заметила, что глаза стали немного светлее, в них появился отлив медового с зеленым, как у отца, только он был не таким выраженным, практически незаметным. Наконец я успокоилась, всё же они не совсем карие, в них есть зеленоватый оттенок, правда, появлялся он только после долгих слез: глаза становились светлее только в минуты отчаяния, словно страдание было отбеливателем, необходимой платой за «красивое».

Голубым был даже домашний göz monjuk, или, как его называют некоторые имамы, око сатаны, – главный атрибут любого азербайджанского дома: голубой глаз с маленьким черным зрачком посередине. Именно его вешали в каждом доме над входной дверью, чтобы никого из членов семьи не сглазили; булавки с бусинами в виде глаза можно было увидеть на одежде

детей. В небольших магазинах и в мастерских местных художников в İcərişəhər³ глаз сатаны висел напротив входа. С раннего детства я помню, что самым страшным, что могли сделать чужие люди, был сглаз, а потому все женщины семьи знали несколько способов уберечь от него себя и любимых. Помимо маленького глаза, в ходу был и узерлик⁴, без этой травы дом будто бы не был домом. Как только последний гость закрывал за собой дверь, мать доставала щедрый пучок узерлика и поджигала его в специальной чаше. Приятнее и интереснее запаха я не ощущала за всю жизнь: он был таким одурманивающим, густым, плотным, интригующим. Во всем мире не было места безопасней, чем густые клубы узерлика: мать окутывает тебя дымом и повторяет: *Pis gozler partasin pis gozler kor olsun*⁵. Каждый раз, когда сухая головка могильника лопалась, мать утверждала, что это лопаются глаза завистников. Дурными глазами объясняли практически любое несчастье в доме, любая беда происходила по вине этих глаз. И было неважно, голубые глаза или карие, главное – хорошие они или злые. Хотят ли они, чтобы красивое было красивым, а здоровое здоровым.

После летних каникул мы всегда возвращались в Россию с множеством маленьких глазику в виде браслетов на тонких запястьях, булавок и цепочек с бусинами. Я с воодушевлением надевала голубые браслеты и хитро думала, что они защитят меня, если кто-то пожелает мне зла. Маленькие голубые амулеты помогли мне забыть о собственном цвете глаз и всегда смотреть в глаза других. У мамы были карие глаза, как и у моей сестры, как и у матери мамы, как и у сестры мамы, как и у двоюродных сестер: у всех вокруг были карие глаза.

Но самыми таинственными глазами для меня были глаза бабушки, матери папы. Черно-белые фотографии в альбомах и на большом надгробии цвета глаз не передавали, как не говорил о нем и отец. Конечно, легко догадаться, что они были карими, как и у всех ее детей. Но важнее другое: они лучились добротой. Когда мы с сестрой в очередное лето оказались в Баку, мама, папа и дядя куда-то нас повезли, все трое были очень серьезными и грустными. Мы ехали долго, почти целый час, пока не увидели большие надгробия серого и песочного цвета. С них на нас смотрело множество разных людей, они казались практически живыми, кто-то смотрел задумчиво, кто-то с печалью, кто-то с улыбкой. Мы шли мимо случайных людей, пока не уперлись в ограду. За ней было три лица: мать папы, отец папы и папина бабушка (теперь там четыре, включая его сестру). Взрослые начали плакать, папа и дядя словно стали маленькими мальчиками, они беспомощно опирались на надгробие и утирали слезы, с нежностью гладили покатым краем камня, будто материнские плечи. Могилы совсем заросли травой: взрослые дети приезжали раз в год и то с большим трудом, разбросанные по разным странам и городам. Дядя решил поджечь траву, и тут всё вспыхнуло – трава загорелась моментально: с надгробий родители укоризненно смотрели на старшего сына, которому было лень убрать траву руками, мы с сестрой прижались к калитке и смотрели, как пламя разгорается всё ярче, уравнивая мертвых и живых.

Единственное, что было неизменным, – красивые глаза бабушки, они будто светились, в них осталась любовь, не исчерпанная за всю жизнь. Я никогда не видела ее живой, только на старых фотографиях, но я знала, что она была из тех, в ком любовь никогда не кончается. У нее были большие глаза, родинка у губы, ямочки на щеках и длинные волосы ниже бедер: до конца своих дней она носила длинные косы, ухаживать за которыми было очень непросто. Ей приходилось ставить большой металлический таз посреди комнаты, наполнять его подогретой водой, ставить табуретку и в полусогнутом положении мыть голову, поливая ее из ковша. Сложнее всего было заплетать и расплетать длинные густые черные волосы. Из-за своей длинноволосой

---

³ Старый город (*азерб.*) – район Баку.

⁴ Узерлик – азербайджанское название могильника, или гармалы обыкновенной.

⁵ Пусть лопнут глаза недоброжелателей, пусть ослепнут дурные глаза (*азерб.*).

матери отец запрещал нам стричь наши косы: они должны были быть длинными, потому что только длинные волосы считались красивыми.

Каждый день она вставала в пять утра, чтобы дойти до своей мамы, живущей в пяти минутах от их с мужем дома, и приготовить ей завтрак. За такие побеги ей приходилось платить своим телом: каждый выход из дома превращался в очередной синяк, свидетельство ярости мужа, ведь ему казалось, что все мужчины вокруг возжелают его жену. Если он ловил случайный мужской взгляд, брошенный на супругу, вечер для нее оборачивался тугим узлом черной ткани, которую она смачивала холодной водой и прикладывала к лицу, животу и спине. Ничто не успокаивало баба⁶: даже умер он глядя на фотографию жены, он наблюдал за ней и после ее смерти. Вот и здесь они лежали рядом: его злые и сухие глаза напряженно следили за всяким прохожим, а она с любовью посматривала на калитку в ожидании своих детей, ее главного утешения, единственной радости.

Интересно, почему глаза восточной женщины должны были быть черными и бездонными, как Кааба⁷? Почему глаза женщины не должны иметь дна? А только вмещать мир без права его изменить. Разве мир существует, когда глаза оказываются закрыты?

Не дурной ли глаз сделал так, что я перестала расти, а мое тело начало разрушаться? Я думала, что болезнь берет только большое, но она забрала и глаза: однажды я проснулась и поняла, что мир замедлился. словно кто-то изменил скорость воспроизведения, пространство казалось рваным, как неотправленные любовные записки, мир распадался. Невролог раскрыл тайну. Оказалось, что это зрачок дергался и двигался рывками, словно забыл, как нужно перемещаться. Вместе с ним оказался разорванным и замедленным мир: без очков он еще был и очень размытым, я могла обнаружить только крупные детали и яркие пятна.

С самого детства у меня было плохое зрение, мать таскала меня по окулистам, покупала самые разные очки, начиная с черных очков с дырочками, заканчивая очками с диоптриями. Единственным, что мне разрешали есть в огромных количествах, была фиолетовая черника, после которой рот становился темным, несколько дней свидетельствуя о съеденном. Нами были испробованы все доступные аппараты для глаз, включая старые машины от косоглазия и синоптофоры⁸. Каждую неделю я послушно приходила в кабинет детского окулиста и сидела на неудобной кушетке, глазами соединяя в одну фигуру kota и его хвост, верхушку и низ елки, звезду, самолет и ракету. Ездила на другой конец города, чтобы смотреть на разбросанные по экрану цветные точки и пятна. Но зрение всё равно падало, с каждым днем мир становился всё менее надежным и четким. Поэтому у меня очень рано появились очки: самые первые очки были в красной оправе с леопардовым футляром и черной салфеткой из микрофибры для протирания стекол. Мне нравилось носить их, потому что мое лицо заметно менялось, я выглядела старше и могла видеть мир таким, каким его видели остальные – четким. Вторые очки, прослужившие дольше всего, были некрасивыми, не помню, почему мы выбрали их, может, потому что они были недорогими: два прямоугольных стекла в бордовой оправе. Некрасивые очки изрядно испортили мне подростковые годы, я и так была главной девочкой для битья, ч***ой, ч*****ой, ботаничкой, а тут еще и уродливые бордовые очки. Но, в отличие от подруг и окружающих, очки, как и книги, никогда не подводили меня. Они всегда ждали, когда я вернусь в их мир, когда открою очередную книгу или возьму их с прикроватной тумбочки, ждали, когда я снова открою глаза.

---

⁶ Дедушка (азерб.).

⁷ Кааба – мусульманская святыня в виде черной кубической постройки во внутреннем дворе мечети аль-Харам (Заповедной мечети) в Мекке, место паломничества.

⁸ Синоптофор – офтальмологический прибор, с помощью которого проводится диагностика и лечение нарушений двигательных функций глаза, которые сопровождают косоглазие.

Детей в очках было немного, но всякий очкарик, встречаясь глазами с братом или сестрой по несчастью, понимающе кивал головой и с интересом рассматривал чужое приспособление. Интересно, что в моей большой семье не было ни одного ребенка в очках, кроме меня. Из-за этого биби твердо решила, что виной всему книги, которых я читаю слишком много. От кого мне достались плохие глаза, так и осталось неизвестно, ведь у всех в семье зрение было отменным.

Иногда мама пыталась заставить меня надеть линзы: особенно, если мы собирались на очередную свадьбу, ведь свадьбы были не просто главным развлечением, но и единственным способом продемонстрировать диаспоре повзрослевшую дочь, которую следовало выдать замуж. А потому все были одеты не просто торжественно, а так, словно это последний пир на земле накануне конца света. Все золотые украшения семьи были надеты на дочерей, никто не жалел денег на красивые прически, макияж и платья в пол. Платьям полагалось быть блестящими, яркими и при этом обязательно целомудренными. Декольте и красивая грудь должны были быть скрыты, как, впрочем, и длинные ноги. Тело было позволено демонстрировать так, чтобы окружающим стало ясно, что девушка не просто юная и здоровая, но еще и невинная. Всякий раз, собираясь на свадьбу, мать начинала меня упрашивать снять уже наконец свои очки и надеть линзы, хотя бы раз в жизни, чтобы быть немного посимпатичнее.

Но чем дольше она настаивала, тем сильнее росло нежелание снимать очки: больше всего в ее настойчивости и в ритуальности местных свадеб меня задевало, что женщины в этом странном праздничном блестящем мире до сих пор оставались товаром. Каждый родитель считал своим долгом придать дочери вид наиболее выгодный из возможных, за столом взрослые невзначай хвастались друг другу школьными успехами детей, их олимпиадами, отличными оценками и умением готовить национальные блюда. Детей обсуждали больше всего. Вначале это были разговоры о школьных достижениях, а по мере взросления появлялись новые темы: кто обручился, кто и куда поступил, кто и когда вступил в брак, кто и когда развелся и, конечно, кто совсем уж отбился от рук. Тем, кто, по мнению членов общины, отбивался от рук, было посвящено самое жаркое и долгое обсуждение: рты вытягивались, как если бы высасывали сок из костей, брови удивленно приподнимались в ожидании подробностей, пальцы нервно перебирали каждую деталь недостойных биографий.

Мне нравились красивые традиционные танцы, плов и белое платье невесты, но я начала избегать походов на свадьбы. Я не хотела чувствовать себя товаром, к которому, сидя за богато накрытыми столами, прицениваются взрослые. Официантам приходилось сдвигать тарелки всё плотнее друг к другу, чтобы последовательно выставить на стол мангал-салат, лобио, хашламу из баранины и говядины, долму, шах-плов и кебабы. Свадебный президиум благоухал, украшенный живыми цветами и подаренными букетами, с потолка свисала массивная люстра, от которой слепило глаза. Всякий раз, заходя в зал торжеств, я тут же ощущала, как на мое тело устремлялись липкие любопытные взгляды женщин и мужчин. Все они оценивали, как я одета, как накрашена, какой длины моя юбка, какая у меня прическа, как я говорю и улыбаюсь, пью ли вино и если пью, то сколько бокалов.

В мире, где я росла, каждый уголок был пронизан взглядами. Глаза от сглаза, глаза соседей, глаза родственников, глаза случайных прохожих, глаза недобросовестных мужчин и несчастные глаза женщин. Жизнь в общине напоминала реалити-шоу, где повсюду бесконечные камеры видеонаблюдения: каждому поступку, слову и делу находились свидетели, ничто не оставалось незамеченным.

Первое, что сказала нам мать, как только мы научились ходить и пересекать порог родительского дома, – **у всего есть глаза**. А потому мы должны всегда непременно следить за собой, за тем, как нас видят другие, потому что мы не просто любимые дети своего родителя, но и его капитал, его репутация, его честь, его лицо. В этом мире, даже отделившись от родителя, ты всегда несешь на себе не только его фамилию и отчество – неслучайно большинство

тюркских отчеств в обязательном порядке содержит в себе слова «кзы» (дочь) и «оглы» (сын), – до самой смерти ты дочь и ты сын, ты представляешь род. **И не дай Аллах сделать что-то, что омрачит радость родителей твоих и опозорит род твой.** Ведь с той же готовностью, с какой сообщество защищает тебя, пока ты достойная его представительница, оно уничтожит, стоит тебе послушаться. Не могло быть иначе. Восток и Запад никогда не уподобятся друг другу: Телегон убивает Одиссея, Рустам убивает Сухраба, отец убивает сына, потому что только ему дано это право: он дарует жизнь и он же ее забирает.

Я всегда знала, что мой отец способен забрать мою жизнь, если она его не устроит, потому что самые страшные глаза, конечно, принадлежат моему отцу. Я люблю его, но так же сильно, как я люблю его, я боюсь его и боялась всегда. Страшные глаза отца пугали нас с сестрой больше всех чудовищ на всем свете. Особенно в детстве, когда он много пил. Каждый вечер он ставил перед собой граненый стакан и лил в него водку «Русский стандарт» до самых краев, отец пил, пока в какой-то момент его теплые глаза, отливающие медовым и зеленым, не становились черными и кровавыми, подобно глазам его отца. Мы видели эту перемену и ждали его гнева. Его опасные, вмиг удлинившиеся руки с толстыми жилами и венами переворачивали столы, разбивали всю посуду в доме, разбивали крепкую разделочную доску о голову матери, ровно на две части, избивали мать, которая становилась маленькой, как галька на морском побережье. Мать вся вжималась в пол, крепко закрыв глаза: она ждала, когда шторм его гнева закончится. Поначалу мы не могли вмешаться: мы были маленькими и застывали. Мы смотрели сквозь крошечную щель между дверью и косяком, и наши глаза запечатлевали его гнев, его кулаки учили нас самому важному уроку этого дома – **никогда не злить отца.** Каждым ударом по бесправному телу матери он забивал нашу свободу в гроб, всё глубже и глубже вколачивая слова, закидывал землей надежду, утрамбовывал большими ногами наши маленькие тела в коробку с надписью «женщина».

Женщине не положено говорить, женщине не положено перечить, женщине нельзя забывать, что она дополнение, а не главный член предложения, но главное, чему научили нас его кулаки, – молчать, держать свои мечты и желания под замками, никому и никогда не раскрывать свои страшные тайны.

Только мужчинам было позволено смотреть прямо в глаза, смотреть с яростью или похотью; ничто не мешало юношам на азербайджанских рынках оценивающе осматривать меня с головы до ног, своими глазами они раздевали каждую женщину на улице, представляли ее тело и обладали ее телом. В один из жарких дней мы шли по вещевому рынку, когда я заметила на себе этот тяжелый, плотоядный, ядовитый взгляд. Мне было около тринадцати лет, я с вызовом обернулась к наглому наблюдателю и посмотрела прямо ему в глаза. Это не остановило его от дальнейшего пожирания меня взглядом, тогда я подошла к нему и ударила мужчину по лицу. Это вызвало шумные возгласы других торговцев и покупателей. Кажется, тогда моей биби стало очевидно, что со мной будут одни проблемы: я не умела опускать глаза и закрывать рот.

III. Волосы

Моя мать всегда хотела сына, впрочем, все женщины в нашей семье всегда хотели сына. Конечно, дочери радовали их, но дочери были временными обитательницами дома, они возвращались для других семей: семей своих будущих мужей. Главное, что должна была сделать любая девочка – выйти замуж и покинуть родительский дом под звуки «Вагзалы»⁹. Плохой дочерью считалась та, что так и не смогла осчастливить родителей своим замужеством.

Мама хотела сына, но, когда он наконец-то родился, с ее головы стали падать волосы. Вначале это был маленький очаг, почти незаметный, его легко можно было прикрыть, зачесав волосы, но со временем он разросся и уничтожил все ее волосы: они падали клочьями, а взамен красивых черных густых материнских волос вырастали странные кудрявые седые волосинки, которые быстро выпадали. Это было непривычно – видеть новую незнакомую маму: не ту маму с длинными красивыми черными волосами с детских фотографий, а уставшую женщину, тщетно пытающуюся спасти оставшиеся волосинки. Мама судорожно собирала все известные интернету рецепты для роста волос, втирала в голову смесь из лука, чеснока и касторового масла, ходила на болезненные инъекции, пила витамины, но ничто не помогало. Волосы ушли, забрав с собой ее молодость, ее красоту и ее прошлое. Вместо рецептов, шампуней и масок в доме появилось множество платков и настоящий парик, в котором она почти не могла ходить и жаловалась, что голова под ним чешется и потеет. Возможно, волосы были данью за долгожданного здорового сына, позднего и любимого мальчика с пухлыми губами и длинными ресницами. И хотя ей было грустно потерять свои черные волосы, в которых хранилась память обо всех достойных женщинах рода – у каждой из них, конечно, были длинные волосы, – маленький желанный мальчик утешал ее.

Еще в детстве мы с сестрой знали, что у всякой уважающей себя девочки должны быть длинные-длинные волосы, волосы, в которых можно легко скрыть очертания взрослеющих и меняющихся тел, волосы, длина которых знаменовала терпение и смирение их носительницы. Наконец, длинные волосы отличали девочку от мальчика. А потому в школе у меня были очень длинные волосы, ниже пояса, обычно я заплетала их в толстую косу и редко носила распущенными. Правда, мало кто восхищался моими длинными волосами, они никого не волновали и только мешали – если не заплести их в косу или собрать в высокий пучок, с ними было невозможно ходить. Поэтому очень скоро у меня появилась новая мечта: состричь волосы, я тайком смотрела на каталоги с короткими стрижками, сохраняла себе фотографии понравившихся актрис и пыталась представить, какая стрижка подойдет мне лучше всего. Стричь волосы можно было только с разрешения отца, который, конечно, был против.

Но наступил день, когда я, не спросив ни у кого, отправилась в парикмахерскую и состригла волосы до плеч. Это был день, когда я, наконец, вышла из больницы. Приятный мартовский день: на улице скользко и я осторожно ступаю, опираясь на трость, меня выпустили, и я иду исполнить обещание, данное самой себе, – постричь волосы, если ко мне вернется речь.

За две недели до этого я шла на вторую работу и вдруг почувствовала, что что-то не так со стопой, я чувствовала, как нога волочится по земле, и я, как ни пыталась, не могла поставить ее ровно. К моменту, когда я зашла в учебную аудиторию, нога превратилась в деревянную

---

⁹ «Вагзалы» – мелодия для провода невесты из отцовского дома, а также народный свадебный танец. Название переводится как «вокзал» – раньше невесты уезжали из родительского дома в дом жениха на поезде.

ногу пирата, она почти не сгибалась, мне приходилось буквально тащить ее за собой. Руки не слушались, я еле могла взять маркер, пальцы дергались и отбрасывали предметы. Когда занятия закончились, а все дети вышли из аудитории, я поняла, что такой же деревянной становится и правая рука. Добравшись до дома, я легла на кровать и закрыла глаза: я думала, что смогу заснуть, но тело было подобно обезумевшим ветвям ивы во время сильного ветра. Руки и ноги бесконечно подергивались, мышцы сводило в судорогах, и я испугалась. Я подумала, что это может быть инсульт, и вызвала скорую. Скорая приехала через сорок минут, фельдшер уверенно зашла в комнату и спросила, как меня зовут. Я ответила ей, и тут внутри меня всё обледенело; в комнате нас было только двое: я и фельдшер, значит, говорила именно я, но только **это был не мой голос**. Это был странный металлический голос. По недоумевающему взгляду врача я поняла: она не может разобрать моего имени. Речь была похожа на кашу из нечленораздельных звуков, которые я с трудом выдавливала из себя.

Только в этот момент мне стало по-настоящему страшно: я поняла, что с моим телом происходит что-то необратимое, что-то, что я не могу контролировать, что-то большее, чем я.

Следуя протоколу, врачи привезли меня в ближайшую больницу, хотя это здание, похожее на заброшенное, больницей было назвать сложно. Внутри отваливалась штукатурка, повсюду торчали старые инвалидные кресла, мебель здесь не меняли, кажется, с момента основания. Милая женщина в приемном покое любезно поинтересовалась, пойдём ли мы по лестнице или поедём на лифте. Встретившись с моим злым взглядом, она всё же решила воспользоваться старым скрипучим лифтом, который, поднимаясь, издавал пугающие звуки, он всякий раз угрожающе замедлялся на этаже, словно задумывался, выпускать людей или оставить их в своем чреве. Наконец, мы поднялись в неврологическое отделение: металлические поручни вели прямиком в палаты. Разбуженные соседки по комнате недовольно протирали глаза, но, заметив мой страх и определив мой возраст, не сговариваясь помогли заправить одеяло в под одеяльник и запихать подушку в наволочку.

Утром я проснулась от того, что невролог тыкала в меня иглой. Речь по-прежнему была чужой, и каждый день невролог просила меня повторять за ней одну и ту же скороговорку: *триста тридцать третья артиллерийская бригада*. Каждый слог давался мне с большим трудом, словно мое горло сжимали в тисках, звуки не выскакивали изо рта сами собой, как это обычно бывало: мне приходилось заставлять каждую мышцу работать. Я мрачно думала: как я буду вести курс русской фонетики у иностранцев, если не могу даже произнести строчку из цветаевского стихотворения и собственное имя?

На следующий день мне сделали МРТ, правда, за деньги и в другой больнице, ведь в этой был только рентген. Когда мы сели в скорую и поехали, наступил вечер: фонари освещали дорогу, не подозревая, как страшно бывает людям в машинах скорой помощи. Мы приехали в пустую больницу, где врач-рентгенолог недовольно жевал свой ужин, зашли в маленькую комнату, там медсестра трижды повторила, что следует снять всё металлическое. Затем она проводила меня до большой странной машины и сказала, что нужно лечь. Внутри белого аппарата было непривычно: по форме он напоминал гроб или печь для кремации, словно вот-вот зажгут пламя и мое ненадежное тело сгорит. Машина гудела и издавала страшные горловые звуки: передавала тайны моего мозга человеку напротив. Сидя в коридоре в ожидании результатов, я думала: какие все-таки маленькие все эти больничные пространства, они словно готовят тебя к гробу – аппараты МРТ, строго регламентирующие твое место рентген-машины, вечно тесные больничные палаты, ужасно узкие коридоры, даже в приемном кабинете твое место ограничено стулом напротив врача.

МРТ показало странные очаги, которые могли быть следствием родовой травмы, а также могли свидетельствовать о заболевании. Врачи явно были в замешательстве и не понимали, что

со мной происходит и как меня лечить, в итоге предположили, что это рассеянный склероз, и начали вливать в меня огромные дозы преднизолона. От преднизолона тело полнело, а я была очень злой, меня раздражало всё: как люди ходят, как они дышат, как медленно тянется время в палате. Почему-то именно над моей кроватью крестом висели пять репродукций православных икон. В палате я читала книги, а чтобы размяться, бродила по больничному коридору и доходила до металлической двери с надписью «часовня». И, хотя двери всегда оказывались плотно закрыты, из-за них тянуло легким запахом ладана.

Дни проходили, а диагноз так и оставался неизвестным, в итоге меня выпустили, написав «рассеянный склероз» со знаком вопроса. Накануне выписки невролог, присмотревшись к моей шее, предположила, что дело в мышцах: они были каменными и, видимо, приводили к дизартрии¹⁰. Она порылась в выдвижном ящике стола и достала мидокалм¹¹. «Давай поэкспериментируем, вдруг поможет», – сказала она и протянула мне две белые таблетки. Я выпила лекарство и пошла в палату. Мы болтали с соседкой, и она вдруг удивленно спросила: «Слышишь? Ты говоришь нормально!» Так мы выяснили, что мидокалм помогает мне говорить. Он вернул мне речь – в тот же день я записалась на стрижку.

Мне было страшно: я никогда не стригла волосы, я боялась, что совершаю преступление перед лицом всех женщин своего рода, что уничтожу память предков, делящуюся в волосах. Но в то же время я очень устала от длинных волос, с ними вечно нужно было что-то делать: мыть, расчесывать, плести, собирать в пучок, они требовали ежедневного усилия, и чем длиннее они становились, тем больше было усилий. Не говоря уже о том, что они были тяжелыми, под конец длинного дня шея начинала ныть от веса.

Мать моего отца долго горевала, когда ей пришлось состричь волосы в маленькой комнате под пристальным взглядом азербайджанского солнца: она медленно сводила кольца ножниц, и тяжелые пряди падали в металлический таз. Она знала, что ее история больше не продолжит себя, ведь она умирала: рак уже уничтожил ее хрупкие почки. Ее честь, которую она пронесла сквозь долгую жизнь, осталась безвольно лежать на дне металлического таза. Она больше не могла ухаживать за волосами, а просить других не желала, ведь волосы – это женское дело.

Мать моей матери долго горевала, когда ей пришлось состричь волосы в маленькой комнате под пристальным взглядом грузинского солнца: она сводила кольца ножниц, и тяжелые пряди падали на старый деревянный пол дома, когда-то построенного ее руками. Она знала, что ее история больше не продолжит себя, ведь она умирала: рак уничтожил ее хрупкие почки.

Я не горевала совсем, когда местный парикмахер большими металлическими ножницами отстригла мои длинные волосы, а вместе с ними и историю моего прошлого, мое здоровое тело, которое уже никогда не будет прежним. Когда я зашла домой, мать только с грустью заметила, что раньше было лучше, а отец ничего не сказал и разочарованно отвернулся к стене. Никто из нас тогда еще не знал, что через три года и эти волосы окажутся острижены.

Когда спустя три года диагноз, наконец, поставили, было аномально жаркое для России лето. Я лежала в неврологическом отделении в палате номер 512 под очередной капельницей и наблюдала за соседками. Наша палата считалась тяжелой: трое с вторично-прогрессирую-

---

¹⁰ Дизартрия – нарушение речи, возникающее из-за органической патологии нервной системы, при котором затруднено произношение слов или отдельных звуков.

¹¹ Мидокалм – миорелаксант центрального действия, применяется при лечении повышенного тонуса и мышечных спазмов.

щим рассеянным склерозом¹² и я с хореей¹³ неизвестного генеза. Всех нас отличало полное отсутствие оптимизма и наличие трости у кровати, плюс на одном из ежедневных больничных осмотров мы обнаружили, что никто из нас не способен встать в позу Ромберга¹⁴.

Все изменилось, когда в восемь утра мы с молодым неврологом зашли в кабинет заведующего отделением, он сидел за столом и внимательно наблюдал за тем, как я пытаюсь дотащить правую стопу до стула. Стоило мне сесть, как он сразу сказал, что у него есть четыре варианта происходящего, правда, четвертый случай он видел всего пару раз за сорок лет практики. Путем обследований и экспериментального лечения он смог поставить диагноз, им оказался вариант номер четыре – генерализованная мышечная дистония¹⁵. Он был честным, сразу посвятил во все особенности болезни, предупредил, что со временем практически все мышцы окажутся вовлечены, и честно признался, что никто до конца не знает, как и почему возникает дистония, назначил терапию. Терапия среди прочего включала в себя ежедневный прием клоназепама¹⁶, который выдавали в строго определенные часы: медсестра вела специальную тетрадь учета, где указывала время и дозу. Побочные эффекты не заставили себя долго ждать: чувство равновесия, казалось, навсегда исчезло, я всё время падала, падала в подвале больницы, куда все спускались покурить и поболтать о жизни, падала в коридоре, падала в лифте, падала во дворе, перед глазами всё кружилось, как лопасти ветряной мельницы, тело было мягким и податливым и, одновременно с этим, совершенно непослушным. Через год лечения ситуация не улучшилась: болезнь прогрессировала, становилась всё агрессивнее. Было трудно передвигаться без трости: стопа сжималась, словно в невидимых пуантах, отчего каждый шаг давался мне с болью. Шея с правой стороны сгибалась вдвое: я не могла нормально распрямить ее без миорелаксантов. Мышцы постоянно и бесконтрольно сокращались, становились каменными, подобными железу. Я стала просыпаться от ужасных спазмов в спине: это была боль, незнакомая мне до этого, словно целая толпа мужчин бьет меня ногами. Каждое пробуждение означало новый виток боли, новые спазмы, новую судорогу, очередную каменную мышцу.

Однажды я поймала себя на мысли, что не хочу просыпаться, что я хочу умереть. Именно тогда меня отправили на ботулинотерапию, правда, делать ее не стали, оказалось, что вовлечено слишком много мышц и уже поздно. Оставался единственный вариант – операция с незнакомым мне названием «глубокая стимуляция мозга», или *deep brain stimulation*. Узнав название процедуры, я отправилась гуглить: читала научные статьи, смотрела видео на ютубе, читала отзывы пациентов. Процедура выглядела как что-то фантастическое: под ключицу вшивали небольшое устройство, с помощью провода в шее оно соединялось с электродами в головном мозгу и отправляло спасительные электрические импульсы в нужные участки. Пациенты менялись на глазах: вот мужчина с болезнью Паркинсона¹⁷ после вживления стимулятора уверенно играет на скрипке, вот женщина с эссенциальным тремором¹⁸ твердой рукой держит мелкие предметы – это было похоже на настоящее чудо в прямом эфире. Конечно, я знала и о рисках, о том, что бывают случаи, в которых процедура не помогает. Чтобы сделать ее, я долго и методично собирала документы, подтверждающие, что операция мне нужна, а денег у меня на нее

---

¹² Вторично-прогрессирующий рассеянный склероз – тяжелая форма рассеянного склероза, характеризующаяся агрессивной инвалидизацией.

¹³ Хорея – нерегулярные, отрывистые, хаотичные движения в конечностях.

¹⁴ Поза Ромберга – положение стоя со сдвинутыми вместе стопами, с закрытыми глазами и вытянутыми прямо перед собой руками, выявляет изменения равновесия (пошатывание или даже падение – «симптом Ромберга») при выключении зрения.

¹⁵ Генерализованная дистония – неврологическое двигательное расстройство, при котором произвольно сокращаются мышцы всего тела, вызывая аномальные, часто болезненные, повторяющиеся движения.

¹⁶ Клоназепам – транквилизатор и противосудорожное средство.

¹⁷ Болезнь Паркинсона – неврологическое прогрессирующее заболевание, для которого характерны тремор, нарушения равновесия и движения.

¹⁸ Эссенциальный тремор – синдром, для которого характерны постоянные колебательные движения рук, ног, головы или гортани.

нет. Затем встала в очередь на получение медицинской квоты, съездила в федеральный центр нейрохирургии на консультацию, где всё отделение собралось посмотреть на тяжелый случай генерализованной дистонии.

Мне присвоили длинное четырнадцатизначное число 65.0000.02606.189, которое нужно было вбивать на сайте Минздрава, чтобы отслеживать свой статус. Каждый день в течение года я заходила туда, вбивала номер, выученный наизусть, и видела один и тот же текст:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.